

remuneratoria, при котором прекарист получал взамен своего дарения или в дополнение к нему как к новому держанию еще часть монастырской земли под уплату оброка: «Вот я, Конделок, прошу даровать мне место жительства, что и сделали (монахи) из милости. А вслед за тем я, Конделок, подарил им поле в тигране Меллак, лежащее между рвом Катваллона и общественной дорогой. Поле это мой отец Грэкон приобрел в качестве аллода, без уплаты чинша любому лицу. И вот я, Конделок, дарю и передаю это вышеупомянутое поле вышеназванным монахам в их обитель, во спасение души отца моего Грэкона, без уплаты чинша и подати любому лицу, за исключением вышеназванных монахов. И пусть имеют они право свободно и нерушимо делать с ним все, что захотят» (833 г.)⁷⁰.

Во многих случаях, когда грамота не указывает на социальный статус аллодиста, косвенные данные позволяют полагать, что аллодист, вступающий в поземельную сделку, являлся знатным либо богатым человеком и что на его аллоде сидят тяглые держатели. Очевидно, для последних подобная сделка мало что меняла, лишь оброк теперь уплачивался ими уже другому господину: «Продал Танетхик третью часть селения Бронтро, начиная от леса и вплоть до Карнуна, в качестве аллода..., передав это в руки Хинконана и Лиозика, без уплаты чинша и подати любому человеку на Земле, за исключением монахов» (858 г.)⁷¹. Идентичный пример встречается в грамотах 821 г. (где покупатель аллода Аргантлон приобретает право на отработочную повинность и сбор ренты с этой земли), 826, 838, 851, 834 гг.⁷² Здесь аллод является базой уже не крестьянского держания, а господской земли. Даже тогда, когда зависимые держатели при аллоде не упоминались, нелегко говорить о низком социальном положении его владельца, особенно если он обладает титулом знатного лица: «Некий рыцарь, родившийся от знатных родителей, по имени Морван... отдал своего коня стоимостью в 10 ливров со своим аллодом» (862 г.)⁷³. Такой «аллод» по своей сути фактически граничит с вотчиной, т. е. комплексом земель, состоявших в период раннего средневековья из господского манса, обрабатываемого руками зависимых лиц, и тяглых наделов, владельцы которых платят оброк. Превращение подобных аллодов в вотчину явственно заметно там, где прямо сказано о сидящих на них манентах, обязанных чиншем⁷⁴.

Картулярный материал позволяет наметить два пути дальнейшего социального развития слоя аллодистов. Один из этих путей приводит к поземельной зависимости с правом держания, т. е. ограниченной собственности; другой — к привилегированному положению на социальной лестнице. Второе направление превращения аллода можно уподобить эволюции русской «отчины» (аллода в первоначальном значении этого слова) к вотчине, для стран Западной Европы VIII—X вв. характерной в форме имения, состоявшего из *mansus indomnicatus* и *mansi*

⁷⁰ Ibid., p. 15.

⁷¹ Ibid., p. 31.

⁷² Ibid., p. 99, 101, 113, 133, 155 etc.

⁷³ Ibid., p. 312.

⁷⁴ Например, в грамоте 862 г. — Ibid., p. 59.